

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

Отчет в экскурсии по
Юго-Западному Кентею. Зима
1924-1925 г.г. (Материалы
экспедиции П.К. Козлова)

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2018-02-07 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: А.Д., Симук ов メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00008719

А. Симуков

Отчет в экскурсии по Юго-Западному Кентею. Зима 1924 -1925 г.г.

(Материалы экспедиции П.К. Козлова)

Исм. карту с маршрутом А.Д.Симукова по Кентею в 1924-1925 году на компакт-диске, приложенном к настоящему изданию – ред./

Предметом исследований, результатом которых является настоящий отчет, служил юго-западный горный узел системы Хэнтэя. Узел этот дает начало крупнейшим притокам трех рек Северной Халхи, именно р.р. Сугнуру, Баян-голу и Улэгэй (р. Хара), Тэрэльчжи (р. Тола) и Хонгину (р. Йоро). Центром узла служит группа гольцовых гряд с рядом вершин. Высочайшей считается гольц Гунту-сардиг¹⁾, достигающий высоты около 2800 м абс.

Термином “гольцовая гряда” я обозначаю часть хребта, поднимающуюся выше границы леса.

От гольца Гунту-сардиг водораздельные линии идут в следующих направлениях: на восток уходит главная ось западного отрога Хэнтэя, разделяющая бассейны Йоро и Толы; на северо-запад и юго-запад идут третьестепенные водоразделы, первый между бассейнами Йоро и Хары, второй между бассейнами Хары и Толы. Эти водоразделы суть конечные разветвления главной оси западного отрога Хэнтэя, заканчивающейся описываемой группой гольцов.

Таким образом в исследованный район вошли следующие реки:

- Бассейн Хары – р.р. Сугнур и Улэгэй (полностью).
- Бассейн Йоро – исток р. Ихэ-Чулуту, с речками Хирги, Нэмэхэ; часть среднего течения р. Юсуту и исток р. Итэм. Ихэ-Чулуту и Юсуту суть составляющие р. Хонгина, Итэм – крупнейший приток последнего. Река Хонгин же, соединяясь с р. Шарлун,

1) И.А.Молчанов дает этому гольцу название “Асаральту-хайрхан”. Высота взята из его работы, т.к. мне определить ее не пришлось.

дает начало р. Йоро.

- Бассейн Толы – истоки р. Тэрельджи и ее крупнейшего притока – Зан-Тэрельджи.

Площадь этого района приближается к 2500 кв. верст, имея протяжение в восточном направлении около 70 верст, а с севера на юг - 35 верст.

Устройство поверхности – сильно пересеченная горная страна с хорошо разработанными речными бассейнами. От весьма древнего некогда мощного хребта осталось сильно разрушенное основание. Во многих местах главные водоразделы значительно ниже второстепенных и направление высоких гольцовых гряд не совпадает с направлением оси хребта.

Относительно геологии района см. работу проф. Усова.

Абс. высота местности колеблется между <...> м (устье р. Улэгэя) и 2800 метров (г. Гунту-сардиг).

Количество гольцовых гряд, т.е. хребтов, поднимающихся в среднем выше 2300 м, невелико. В грубых цифрах площадь их приближается к 100 кв. верстам.

Говоря об устройстве поверхности, необходимо выделить высокое плато истоков Тэрельджи и Зан-Тэрельджи, имеющее совершенно иной характер, нежели районы истоков соседних рек. Глубокие ущелья, характеризующие Сугнур или Чулуту, отсутствуют. Широкие долины ключей заполнены продуктами разрушения материнских пород и разделены невысокими отрогами окрестных гряд. В промежутках между окружающими этот район со всех сторон гольцовыми грядами полого поднимающееся к водоразделам плато круто обрывается в ущелья речек соседних бассейнов. Относительная высота этого обрыва равна 200-250 м.

Вся описываемая местность, за исключением небольшой части ее площади, покрыта хвойным лесом. Лиственные породы играют роль подлеска, лишь изредка встречаясь в виде чистых насаждений.

Свободны от леса гольцовые гряды, большие россыпи верхней полосы кедровников, дно большинства речных долин, поросшее кустарником, кустарниковые же площади истоков Тэрельджи и обращенные к юго-востоку травянистые склоны большей части речных долин.

Состав хвойного леса определяется четырьмя видами, именно кедром, лиственницей, сосной и елью. Сплошные кедровники охватывают нешироким кольцом гольцовые гряды и отдельными островами покрывают наиболее высокие кряжи и отроги. Весь Улэгэй и большая часть Сугнура – район почти чистых лиственничных лесов. Истоки же Хонгина и Итэма – область смешанных хвойных лесов, где кедр, лиственница, сосна и ель

мешаются в неравномерных пропорциях.

Животный мир тождественен с таковым всей северной половины Хентэя. Это типичная лесная, таежная фауна. Большинство видов распространено по всему району, придерживаясь, разумеется, наиболее подходящих для каждого вида мест. Исключением являются весьма немногочисленный здесь соболь и белая куропатка. Местообитание первого ограничивается узкой полосой высокогорных кедровников под гольцовыми вершинами. Белая же куропатка обитает исключительно по ключам плато истоков Тэрельчи.

Оседлого населения в описываемом районе нет вовсе. Только на самом краю, в степной долине р. Хары, расположены поселки русских колонистов, да зимой монголы кочуют с той же Хары в более защищенные нижние части долин Сугнура и Улэгэя. Посещают этот район только охотники-промышленники, как монголы, так и русские, и буряты. Для своих нужд они проторили по долинам вьючные тропы, да кое-где настроили убогие избушки – убежища во время зимнего промысла.

* * *

Переходя к детальному описанию исследованного района, считаю необходимым в первую очередь описать характер гольцовых гряд. Лучше всего мной изучен наиболее распространенный их тип.

Если подняться на гольцовую гряду этого типа из долины какой-либо речки, то вначале приходится одолеваять подъем по густому кедровнику. Подъем этот становится все круче и круче, все чаще попадаются камни и участки россыпи. Кедр становится приземистее, пышнее. Лес редееет. Еще выше среди уже сплошной россыпи кое-где торчат отдельные искривленные, уродливые деревья.

Здесь начинается обычно самый крутой участок подъема. Одолев его вдруг оказываешься на краю почти совершенно ровной площади. Гряда как бы срезана. Вправо и влево виднеются более высокие части гряды, отделенные от понижения скатами, покрытыми россыпью. Части эти в свою очередь также срезаны. Мне кажется, что к этим ровным площадям можно применить термин “гольцовые поля”. Поверхность большей части их представляет собою площадки дресвы, перемежающиеся с площадками мелкой россыпи и отдельными большими камнями. Где только возможно, растут мелкие растения альпийской зоны и пышные подушки различных мхов. На наиболее низких местах встречаются отдельные экземпляры кедра, здесь же стелющегося, и кустики мелкой полярной березки. Чем выше данная часть гряды, тем больше на ней россыпей и, наконец, плоские или округлые вершины гольцов сплошь каменисты. Тут уже нет никакой

растительности, кроме лишаяев. Таковы гольцовые гряды, обозначенные на съемке буквами “А – Б – В”, “Д – Е – Ж”, “З”, “И”, “Н”, “С – Т”. Из отдельных вершин этого типа следует отметить голец Гурбан-Чулу (“Три камня”) и голец “Н”. первый интересен группой гранитных скал с отвесными стенами, видных с весьма далекого расстояния. Второй же отличается правильной округлой формой, большой величиной и ледниковым каром на юго-западной стороне. Гряда “Р – П” невысока и представляет собой иззубренный скалистый гребень. Обособленно стоят три вершины “К”, “Л”, Гунту-Сардиг. Они отличаются весьма крутыми склонами и большей или меньшей заостренностью верхушек. Голец “Г” представляет собой короткую мощную гряду с очень крутыми скатами сплошь покрытую гранитной россыпью из крупных камней. Голец Гунту-Сардиг интересен большими ледниковыми карами, глубоко врезавшимися в его склоны. Кроме него и гольца “Н” кары имеются еще в грядах “И” и “А – Б – В”.

Некоторые высокие отроги гольцовых гряд и отдельные вершины, не достигающие границы леса, являются как бы переходной формой между лесистыми хребтами и гольцовыми грядами. Поверхность их – это большие участки голых россыпей, перемежающиеся с рощицами кедра. Самая верхушка иногда представляет собой зачаточный голец. Таковы поднятия между Сугнуром и Улэгэем, к северу от Улэгэя, отроги гольцовых гряд бассейна Хирхеро, отрог между Итэм и Хирги и наконец возвышенность к северу от Нэмэхэ.

Описание исследованной местности удобнее сделать по речным бассейнам.

Бассейн Сугнура

Река Сугнур, одна из составляющих р. Хары, собирает воду со всего западного склона описываемого гольцового узла. Начинаясь двумя ключами под северной оконечностью гряды “И”, она на всем своем протяжении сохраняет общее западно-юго-западное направление, лишь в 5 верстах от устья поворачивая к западо-северо-западу. Длина р. Сугнура равна 40-45 верст. Количество несомой им воды в теплые месяцы сильно колеблется в зависимости от осадков, выпадающих в его бассейне.

На своем протяжении Сугнур, помимо десятка небольших ключей, принимает два крупных притока, оба с левой стороны. Верхний носит название Хирхеро, а нижний называется Кермлюк.

Начинаясь в поясе сплошной кедровой тайги, Сугнур через несколько верст вступает в район лиственничных лесов и не покидает их до выхода в степь. До впадения Хирхеро – это небольшая речка, едва достигающая

двух сажен ширины. В верхней части этого участка долина стиснута крутыми поперечными отрогами с безлесными, обращенными к юго-востоку, склонами. Дно заросло густым тальником. Лишь в трех верстах от впадения Хирхеро долина немного расширяется и на ней появляются заболоченные кочковатые участки, поросшие густой осокой. Перед Хирхеро с левой стороны к речке выдвигается мыс, как бы отделяющий этот участок от “большого” Сугнура. Мощный поток Хирхеро сразу делает Сугнур рекой до 10 саженей ширины, далеко не безопасной для переправы в период дождей. В месте слияния дно долины расширяется, образуя широкую площадь, заросшую тальником. Сейчас же после слияния тальники ненадолго исчезают. Южный²⁾ склон выдвигает покатую луговую террасу, северный же спускается к реке густым сивером с кедром и елью. Последняя не поднимается высоко в сивер, а сопровождает реку, ниже переходя в состав уремы.

Вскоре долина расширяется, луговая терраса отходит от реки, давая место уремым зарослям, которые состоят из кустарников, березы и осины. Тремя верстами ниже слияния Сугнура и Хирхеро, в Сугнур слева впадает большой ключ Банзан. Ниже его в сивере исчезает кедр. Ель же держится в уреме еще несколько верст. Южный склон долины составляют крутые, каменистые скаты, увенчанные скалистыми гребнями и вершинами и прерываемые листовенничными падами. Пади эти уходят верхушками к высокой плоской вершине, разделяющей в этом месте бассейны Сугнура и Улэгя. Такой общий характер правой стороны долины сохраняется до самого устья. Левый же склон спускается к реке более или менее крутыми листовенничными сиверами. Шестью верстами ниже Банзана в Сугнур впадает второй (и последний) его крупный приток – Кермлюк. После его впадения в уреме исчезает ель. Ниже Кермлюка, выдвинувшийся слева лесистый мыс прижимает реку к высоким каменистым скатам правого берега, и здесь Сугнур делает небольшое колено. Ниже колена и до выхода в степь вид долины в общем не изменяется. Версты две с половиной река огибает луговую террасу правой стороны, а затем такой же террасой, выдвинувшейся с левого берега, русло сдвигается к правым скалистым склонам. Северный склон долины прорезан большими листовенничными падами, на южном же мы видим лишь крутые распадки, кое-где усаженные листовенницами. Урема очень густа и состав ее разнообразен. Лиственница, береза, осина, тополь, ива и различные кустарники перемешиваются в разнообразных сочетаниях. Верстах в пяти от впадения р. Сугнура в р.

2) Должен оговориться, что слова “южный, северный склон” я употребляю в смысле “склон, обращенный к югу, северу”, так и везде дальше.

Хару долина принимает степной характер, сразу расширяясь. Горы раздвигаются давая место культуре, представленной русскими и китайскими поселками, пашнями и сенокосами. На всем своем протяжении Сугнур носит характер настоящей горной реки с большим падением, быстро несущей свои воды по каменистому руслу. Во избежание повторения я должен сказать, что таков характер всех рек описываемого района, за исключением одной Хары, не имеющей специфически горного характера.

Перейду к притокам Сугнура.

Наибольшее количество воды в его бассейне собирает горная речка Хирхеро, имеющая протяжение 17-18 верст, считая от истока ее главного ключа Ихэ-Абкана. Ее многочисленные ключи текут уже непосредственно от подножья гольцовых гряд. Почти весь бассейн Хирхеро лежит в районе кедровой тайги. Начинается речка ключом Ихэ-Абкан под седловиной между гольцами “В” и “Г”. Над ее истоком висится край плато истоков Тэрельджи, с относительной высотой около 250 метров. На протяжении первых 6-7 верст долина Хирхеро – Ихэ-Абкана носит характер высокогорного ущелья. И она и долинки боковых ключиков сдавлены высокими поперечными отрогами гольцовых гряд. Отроги эти частью поросли кедром, но большинство их скатов представляют собой обширные россыпи. С.-В. и Ю.-В. горизонт замыкают расходящиеся от г. “К” гольцовые гряды. После впадения на 6-ой версте ключа слева, склоны долины раздвигаются. Здесь Хирхеро уже большой поток. На правом крутом и каменистом склоне исчезает лес. Кедровый сивер левой стороны делается положе. Широкое дно долины покрыто густым кустарником. Такой характер долины сохраняется до впадения р. Верьи. На этом участке в Ихэ-Абкан впадает справа большой ключ Бага-Абкан. С места их слияния речка носит название Хирхеро. Приняв слева значительный приток – р. Верью – Хирхеро вступает в теснину с большим падением русла. Высокие крутые горы теснят речку, с шумом низвергающуюся по громадным камням. Северный склон ущелья одет мрачным смешанным лесом. Лишь перед самым впадением речки в Сугнур, горы по сторонам долины снижаются, раздвигаются, дно долины покрыто кустарником и Хирхеро течет спокойнее.

Речка Верья берет начало под гольцом Гурбан-Чулу. Длина ее 7 верст. Замкнутая котловина ее бассейна заполнена отрогами водораздельных гряд, сплошь покрытыми густой кедровой тайгой. Отроги эти разделены рядом небольших ключиков, плоское дно которых поросло неизменным кустарником.

Второй крупный приток Сугнура – р. Кермлюк – начинается также под гольцом Гурбан-Чулу и впадает в Сугнур 9-ю верстами ниже Хирхеро.

Эта речка уже почти вся течет в районе лиственничных лесов.

В центре пространства между Верьей, Кермлюком и частью Хирхеро - Сугнура, соединяющей устья этих речек, находится высокая гора, соединенная седловиной с г. Гурбан-Чулу. Склоны ее по своему характеру делятся на три типа, сообразно положению относительно стран света. Скат к Верье покрыт кедровником. Долины глубоких ключей, сбегających в Сугнур, отличаются густыми, большей частью кедровыми сиверами и крутыми юго-западными увалами, частью голыми, частью поросшими лиственницей. Южный же склон горы, он же правый склон долины Кермлюка – типичные лиственничные увалы. От соседнего бассейна р. Баин-гола, Кермлюк (а ниже и Сугнур) отделен невысоким острым лесистым гребнем, с которого в речку сбегают немногочисленные ключи. В среднем течении Кермлюка дно долины широко и покрыто кустарником. Исключением является небольшой (½ версты) участок верстах в четырех от истока, где долину преграждает заросшая ельником россыпь из крупных камней. Нелишним будет описать вершину правой ветви Баин-гола, р. Цубуктэ, которую я пересек по дороге из Кермлюка в Тэрельджу. К водоразделу я поднялся левым ключом вершины Кермлюка. Водораздельный гребень спускается к этому ключу пологой болотистой покатостью, на которой низкие кедровые мыски чередуются с заросшими кустарниковой березкой логами, образуя типичный пейзаж “лосиного болота”. Вершина ключика полого подымается к самому водоразделу, откуда сразу идет крутой спуск в глубокие ключи Цубуктэ. Большой ключ последнего начинается под Гурбан-Чулу и сразу же течет большой долиной, к востоку от которой высится мощный вал водораздельного хребта между Баин-голом и Тырельжи.

Бассейн Улэгэй

Правый приток верхней Хары, р. Улэгэй начинается недалеко от истока Сугнура, к северу от гольцовой гряды “И”. Бассейн ее не охватывает гольцовых гряд и потому значительно беднее водой, нежели бассейн Сугнура. Вся она за исключением верхушек немногих ключей, протекает в районе чистых лиственничных лесов. Длина реки равна 35 верстам. Верхний участок ее бассейна заполнен невысокими отрогами, поросшими лиственничным лесом. Большие площади последнего выгорели. Правый южный склон ее долины обнажен и каменист. Начиная примерно с 10-й версты от истока склон этот становится очень высоким, крутым и каменистым. Высокие скалы и гребни сопровождают Улэгэй до самого устья. Левый же склон, опять – таки до устья, спускается к реке крутыми лиственничными сиверами. Верстах в 20-ти от устья правый склон долины

выдвигает луговую террасу, в начале очень узкую, но ниже расширяющуюся. Сплошные кустарники покрывают дно долины лишь в верхнем течении Улэгэя, там, где склоны раздвинуты и дают место обширным кустарниковым площадям. Ниже узкое дно глубокой долины зарастает уремой из ели, лиственницы и лиственных пород. Ель впрочем скоро исчезает, но лиственница остается до устья.

Кроме нескольких мелких ключей Улэгэй принимает два более крупных притока, оба с левой стороны. Характер их долин совершенно таков же как и самого Улэгэя. У устьев долины их расширяются и дают место хорошим лугам. Защищенность глубокой долины и хорошие корма привлекают к Улэгэю монголов, кочующих сюда с Хары на зимовку.

Между средним течением Улэгэя и верхним Сугнура находится высокая обособленная плоская вершина. От гольцового узла она отделена очень низкой седловиной, позволяющей легко переваливать из верхнего Сугнура в бассейн Улэгэя. Полого поднимающиеся с обеих сторон ключи почти сходятся вершинами. Водораздельный хребет Хары и Йоро, протянувшийся к северу от гряды “<...>”, сильно снижается между вершинами Улэгэя и Итэм. Через это понижение и проходит удобная выючная тропа из Улэгэя в систему Йоро. Далее к северу хребет этот снова повышается, вступая в область кедровой тайги и выдвигает между Улэгэем и Тункулом (следующий правый приток Хары) мощный отрог, тоже заросший кедром.

Заканчивая описание обследованных рек бассейна Хары следует сказать несколько слов и о ней самой.

Истоком ее считается так называемый “аршан”, незамерзающий ключ, бьющий у подножья округлого холма Мандал-обо, соединенного длинным пологим перешейком с водораздельным гребнем Сугнура и Баин-гола. Но, в сущности говоря, настоящим ее истоком следовало бы считать р. Куй-Мандал. Протекая по обширной (до 10 верст шириной) степной долине эта последняя принимает справа р. Баин-гол. Затем, огибая вышеупомянутый холм, река эта соединяется с аршаном и отсюда уже носит название Хары. После впадения справа р. Сугнура, а слева р. Хунцала, русло которой большую часть года безводно, долина Хары сильно суживается. С обеих сторон выдвигаются оголенные каменистые горы. Берега реки обрастают тальником. За скалистым мысом, выдвинувшимся слева к самой реке, долина снова ненадолго расширяется, по-прежнему нося степной характер. Наконец в пяти верстах от впадения Улэгэй высокие каменистые горы сдвигаются, заставляя Хару извиваться по узкому и глубокому ущелью. Снова расширяется долина только после впадения р. Тункыла.

Бассейн Тэрельчи

Район истоков Тэрельчи и Зан-Тэрельчи, как и было уже упомянуто в общем обзоре, по устройству поверхности стоит особняком. Это плато с приподнятыми краями, округлой формы, около 25 верст в поперечнике, окруженное со всех сторон гольцовыми грядами.

Исток собственно Тэрельчи занимает на этом плато очень маленький уголок, поэтому я начну с истока р. Зан-Тэрельчи. Северный край плато в промежутке между гольцом Гунту-Сардиг и грядой “Р – П” образует лесистый гребень, невысокий относительно плато, но круто обрывающийся в глубокие ущелья речек системы р. Чулуту. Под этим гребнем и начинается р. Зан-Тэрельчи, образуя в истоке небольшое (версты 1,5 в поперечнике) озеро. К сожалению по условиям зимней экскурсии, мне не удалось побывать на озере, хотя я и находился от него на расстоянии 4-5 верст, дважды, с разных сторон. Говорю о нем на основании расспросных сведений. Далее Зан-Тэрельчи течет по середине плато общим направлением на юг. Гряда “К” – “Л” – Гунту Сардиг выдвигает к ее руслу ряд лесистых отрогов, разделенных широкими болотистыми долинами ключей. Восточная же часть плато представляет собой обширные заросшие кустарником покатоги, разделенные на две половины длинным лесистым низким гребнем, протянувшимся к западу от южной оконечности гряды “<...>”. Северная покатога переходит в заросший кедровой тайгой склон гряды “Р” – “П”, южная же, по которой протекает единственный крупный ключ левой стороны Зан-Тэрельчи, поднимается к гольцу “Н”, а в промежутке между последним и грядой “Р” – “П” переходит в пологий лесистый водораздел р.р. Зан-Тэрельчи и Хагги-Хонгора. Приняв справа последний большой ключ, Зан-Тэрельчи уходит с плато в глубокое ущелье между мощными отрогами гольцовых гряд. Ущелье этого последнего ключа напоминает в средней своей части ущелья истоков Хирхеро. Ключ начинается под гольцом “Д”. Под этим же гольцом, немного далее к западу, находится исток р. Тэрельчи. Замкнутая между тремя гольцами котловина его в миниатюре напоминает плато Зан-Тэрельчи. Такие же болотистые, поросшие кустарником покатоги, расчленены протянувшимися от подножья гольцов гребешками, покрытыми кедровой тайгой. Полого поднимающиеся края котловины на западе, между гольцами “С” и “Д”, круто обрываются, в ущелье Ихэ-Абкана, а на востоке пологими логами, разделенными лесистыми гребешками, спускаются к вышеупомянутому южному ключу Зан-Тэрельчи. Сама Тэрельчи прорывается в узкие ворота между гольцами “С” и “Е” и течет вначале на юго-запад по большой долине между мощными гольцовыми грядами. Правая, западная гряда скоро переходит в лесистый хребет,

левая же еще долго сопровождает течение Тэрельджи. Огибая последний гонец этой гряды Тэрельджи поворачивает на юго-восток сливаясь ниже с Зан-Тэрельджи. Пространство между этими двумя реками и южным ключом последней из них заполнено плосковершинными гольцовыми грядами, разделенными глубокими ущельями.

Бассейн реки Хонгин

Истоки р. Хонгин занимают обширное (до 50 верст в восточно-западном направлении) пространство и собирают воду с целого ряда гольцовых гряд, начиная с группы Гунту-Сардиг и заканчиваясь следующим к востоку гольцовым узлом Оютэ. Таким образом, в обследованном мною районе бассейн Хонгина соприкасается с бассейнами р.р. Улэгэй, Сугнура (Хара), Зан-Тэрельджи, Хагги (Тола) и Мензи (Чикой). Собственно Хонгин составляется из двух ветвей. Западная ветвь носит название Ихэ-Чулуту или просто Чулуту. Восточная же называется Юсуту. До соединения с р. Шарлун, откуда уже начинается Йоро, Хонгин принимает слева крупный приток Итэм, исток которого мной также посещен.

Весь обследованный мной район истоков Хонгина характеризуется сильной пересеченностью, обилием обнажений коренных пород, обилием воды – масштаб рек здесь иной, нежели в соседних известных мне бассейнах – и, наконец, составом леса. Здесь большей частью отсутствуют чистые лиственничные насаждения, область кедровой тайги охватывает лишь самые истоки рек. Общая масса леса состоит из нескольких пород (кедр, лиственница, ель, сосна) перемешанных между собой в различных комбинациях.

Река Ихэ-Чулуту начинается двумя большими ключами, из которых восточный течет от северной оконечности гряды “Р” – “П”, а западный берет начало под лесистым гребнем, замыкающим с севера плато Зан-Тэрельджи. Первые 5 - 6 верст, ключи эти текут глубокими ущельями, заросшими чистой кедровой тайгой, а затем вступают в область смешанного леса. С этого пункта восточный ключ (его можно считать главным) течет почти по прямому направлению по широкой (150-200 саженей) заросшей кустарником долине. С востока долину замыкает длинная невысокая скалистая гряда. Лес на ней выгорел. Западный склон долины покрыт лесом. В 10 верстах от истока восточного ключа ключи соединяются. Характер долины остается прежним еще версты четыре. Затем Ихэ-Чулуту вступает в узкое ущелье с крутыми скатами и делает целый ряд колен. Приняв справа р. Бага-Чулуту и далее, на 18-ой версте еще одну речку, Ихэ-Чулуту круто поворачивает к западу и течет в этом направлении до впадения слева большого притока – р. Хирги. После

поворота долина несколько расширяется. Правый, обращенный к югу, ее склон оголен и сильно расчленен глубокими ключами и сухими логами. Левый спускается к реке глухими сиверами. Версты за три до впадения Хирги, крутые скаты долины снова сближаются, образуя глубокое лесистое ущелье, по которому извирается речка, делая ряд поворотов.

Река Хирги начинается также двумя ключами и собирает воду с северного ската гряды Гунту-Сардиг – “<...>” – “<...>”. Восточный ключ ее течет от гольца Гунту-Сардиг, а западный от гольца “<...>”. До слияния оба ключа текут ущельями по области сплошной кедровой тайги. Затем на протяжении 8 верст Хирги течет глубоким ущельем на север. Приняв слева р. Нэмэхэ, Хирги поворачивает на востоко-северо-восток и сохраняет в общем это направление до своего впадения в р. Ихэ-Чулуту, т.е. на протяжении 13 верст. Левый скат долины оголен, богат скалами и обнажениями и расчленен многочисленными падами и логами, правый же составляют глухие “медвежьи” сивера, спускающиеся к самой речке. Через версту от устья Нэмэхэ справа впадает р. Иеня. Это второй и последний крупный приток Хирги.

Река Иеня начинается несколькими ключами под гольцом Гунту-Сардиг и под прилегающим к этому гольцу приподнятым краем плато Зан-Тэрельжи. Ключи и верхняя часть долины этой речки отличаются крайней дикостью. Глубокие, узкие ущелья с крутыми каменистыми скатами, скалы, наконец, длинный (до 1 версты длиной) порог, где речка сжатая россыпью и отвесными скалами, мчится по громадным камням с уклоном русла в 10-20° отличают Иеня от ее соседей. Далее и до самого устья речка течет глубоким ущельем с каменистыми склонами, большей частью обнаженными, все время держа направление на север.

Река Нэмэхэ берет начало с лесистого низкого водораздела систем Чулуту и Итэм и течет в восточном направлении. Левая северная сторона ее долины – скалы, сильно расчлененные боковыми ключами и распадками. Справа же к речке подходят пологие лесистые террасы, разделенные ключиками и ложками. Верстах в 3,5 от устья, выдвинувшийся с левого берега утес преграждает россыпью из громадных камней долину Нэмэхэ и речка образует здесь порог.

Таким образом центральная и западная части истоков р. Чулуту дают в общем следующую картину. Узкие, обильные водой речные долины, переходящие местами в настоящие ущелья, разделены высокими, крутыми, сильно расчлененными отрогами. Эти последние богаты скалами и, за исключением большей части обращенных к югу и к юго-востоку склонов, покрыты лесом. С севера район замыкает возвышенная плоская гряда, превышающая местами границу леса. На восток от этой гряды протянулась

лесистая седловина, переходящая в широкий отрог гряды “<...>”.

Безымянный правый приток Ихэ-Чулуту, несмотря на свою длину, беден водой (длина его 15-18 верст). Широкое болотистое дно его долины покрыто большей частью густой осокой. С юга к его долине подходят лесистые пологие гребешки, разделенные густо поросшими кустарниковой березкой логами. Правый же склон долины – обычные травянистые скаты, несколько более пологие, чем например, по Чулуту.

На Юсуту я был только в одном месте и могу говорить лишь о части долины. В этом месте (см. съемку) Юсуту уже большая река до 10-12 саженой ширины. Болотистая, густо поросшая кустарником долина ее весьма широка (до 1,5 версты в ширину). На восток горизонт замкнут мощной гольцовой грядой узла Оютэ. Высокие отроги гряды покрыты густым кедровником. Эти отроги выдвигают к Юсуту ряд длинных лесистых гребней, разделенных болотистыми долинами ключей. С запада относительно невысокий водораздельный хребет Чулуту – Юсуту выдвигает к последнему также ряд отрогов с ключами между ними.

Два слова об истоке р. Итэм. Речка эта начинается у северных отрогов гряды “<...>” среди пологих лесистых скатов и течет на север по широкой болотистой долине. Справа к ней подходят отроги высокой гряды, упоминавшейся при обзоре бассейна Чулуту. Над Итэм эта гряда особенно высока и на ее широком плоском гребне высится огромный утес с почти отвесными боками. Севернее этой гряды в Итэм справа впадает его крупнейший приток р. Хорилэ.

Пути сообщения

Пути сообщения в обследованной местности, как я уже указывал в общем обзоре, служат вьючные тропы, проторенные охотниками-промышленниками. Сеть этих троп покрывает весь район за исключением особо труднодоступных или малоинтересных в отношении промысла мест. Можно наметить как бы магистрали, идущие по большим речным долинам, и боковые тропы, отходящие от них в наиболее посещаемые речки. По долинам р. Хары проходит большая трактовая дорога – один из вариантов пути русская граница – Улан-Батор. По ней ездят главным образом живущие по Чикою обитатели пограничной полосы Забайкалья. От этой дороги вверх по р.р. Сугнуру и Улэгю идут колесные дороги, которыми пользуются монголы и китайцы, занимающиеся вывозом лесоматериалов, главным образом дров. По Сугнуру такая “тележница” идет до устья Хирхеро. По Улэгю же она подымается всего верст на 15.

Далее по Улэгю идет важнейшая вьючная тропа района, связывающая Хару с истоками р. Хонгин. Тропа эта в вершине Улэгя боковым

ключиком подымается к перевалу водораздельного хребта, относительно очень невысокому. Затем она пересекает исток р. Итэм, переваливает через седловину в р. Нэмэхэ, спускается по последней до устья, а затем идет вниз по р. Хирги до р. Ихэ-Чулуту. Далее к востоку тропой пользуются реже, но все же она видна ясно и представляет собой удобный путь к р. Юсутэ. Поднявшись по р. Чулуту до большого колена этой реки, тропа уходит в долину боковой безымянной речки и по последней подымается к легкодоступному перевалу в боковой ключ р. Юсутэ. По этой последней с р. Йоро поднимается тоже важный выючный путь, связывающий систему Йоро с Толой. Из верховья Юсутэ эта тропа переваливает в р.р. Хагги-Хонгори по последнему спускается в Толу. Кроме того р. Юсутэ связана тропой с верховьями р. Меньзи. С низовьев р.р. Ихэ-Чулуту и Итэм в их вершины также идут выючные пути.

Верховье Сугнура связано малопосещаемой тропой с р. Улэгэй, по Хирхеро идет тропа местного значения. Впрочем можно отметить едва заметную тропу из этой последней речки в исток Тэрельчжи и далее в Зан-Тэрельчжи по южному ее ключу. Но перевал из Хирхеро в Тэрельчжу настолько труден, что пользуются этой тропой чрезвычайно редко.

Река Зан-Тэрельчжи связана выючным путем с р.р. Хагги-Хонгор. Тропа идет к перевалу левым ключом первой.

Все без исключения тропы проторены по обнаженным, обращенным к югу склонам речных долин. Все они представляют собой узкую (обычно не шире 0,5 – 0,8 аршин) тропинку, лепящуюся по крутым и каменистым склонам.

Неверный шаг лошади часто может повлечь за собой катастрофу. На очень крутых скатах встречным с тяжелыми выюками почти невозможно разойтись. Зимой русские промышленники чаще пользуются гладкой дорогой по льду речек. Впрочем речки нередко доставляют очень много неприятностей. Скрытые тонким ледком полыньи, двойной лед с пустым пространством между слоями, причем верхний слой ломается и режет ноги лошади в кровь, сваленные поперек узких речек лесины, пороги, где лошадь не может взобраться на большие обледенелые камни – все это часто заставляет сворачивать на тропу. Монголы на своих некованных лошадях всегда ездят по тропам.

Растительность

Растительный покров района распадается на ряд типов, или формаций, сильно различающихся между собой в главных чертах.

Формации эти следующие.

1. Чистая или почти чистая кедровая тайга.
2. Чистый лиственничный лес.
3. Смешанный хвойный лес бассейна Йоро.
4. Долинная и холмистая степь р. Хары.
5. Кустарниковые болотистые площади речных долин.
6. Травянистые, обращенные к Ю. и Ю.-В. склоны.
7. Растительность гольцовых гряд и россыпей.

Распространение каждой формации видно.

1. *Кедровая тайга* занимает верхний пояс лесной растительности. В обследованном районе площадь, покрытая ею, равна в грубых цифрах 800 кв. верстам.

В зависимости от абс. высоты местности, кедровник имеет различный характер. В более низких местах деревья высоки, ровны. Зеленые, живые ветви имеются лишь ближе к верхушке, причем нижние из них висят книзу, средние перпендикулярны стволу, а верхние загибаются кверху и верхушка имеет вид канделябра. На нижней и средней части ствола ветви отмирают. Это обстоятельство в связи с темным цветом коры и дает кедровнику столь присущий ему мрачный колорит.

В более высоком поясе, недалеко от границы леса, деревья стоят реже. Густые, зеленые ветви начинаются с самого низа. Кедр здесь приземист и пушист. В этом поясе нередки аномалии – сильная кривизна ствола и низкий рост.

Выше границы леса растут отдельные экземпляры стелющегося кедра.

Обычно кедровник в массе довольно однообразен по возрастному составу. Можно отметить участки более молодых и более старых деревьев. Молодняк не любит тени и редко встречается в старом густом кедровнике. Его место – старые гари, где он образует густые заросли.

Нормальная толщина кедра колеблется в пределах 5 – 8 вершков на высоте аршина над землей. Подлесок в кедровнике обычно отсутствует вовсе. Нижний ярус изменяется в зависимости от характера места. В густом кедровнике на крутых и сухих склонах почву обычно покрывает ковер мхов и брусничника. На более пологих, низких и светлых местах нижний ярус представлен густыми зарослями багульника (*Ledum palustre*). В кедровом редколесье большие площади часто покрыты низким кустарником мелкой гольцовой березки.

Непременным членом общества кедровой тайги являются различные древесные мхи, свисающие длинными прядями с веток кедров. Мхи эти

составляют особенность именно кедровых лесов и еловых рощиц. На сосне и лиственнице они отсутствуют.

Благодаря расположению кедровников, удаленных от удобных колесных путей, древесная масса их в данном районе до настоящего времени не эксплуатируется вовсе. Кедровая тайга предоставлена сама себе. Человек ее не трогает, если не считать деревьев, сваленных промышленниками в погоне за застрявшей в ветвях убитой белкой, да молодняка, идущего на временные балаганы тех же охотников. Но это ничтожный процент в общей массе кедровника. Горит кедровая тайга, повидимому реже, чем лиственничный лес, благодаря, по всей вероятности тому, что летом охотники мало заглядывают в нее. Кроме того в ней отсутствует высокая трава, представляющая собой осенью в высшей степени горючий материал и столь обильная в лиственничном редколесье.

2. Сплошные *лиственничные леса* занимают, как это видно на карте-схеме, западную, более низкую часть обследованного района. Их пояс соприкасается в верхней своей границе с поясом кедровой тайги, а в нижнем – со степью.

Разнообразный подлесок не избегает лиственничного леса, пропускающего вниз достаточно света, но вместе с тем нередки и большие площади последнего без подлеска. В последнем случае нижний ярус представлен густой и высокой травой.

Как правило, лиственница достигает значительно больших размеров, нежели кедр. При хороших условиях роста она в массе достигает толщины 10 - 12 вершков в пне. Попадались отдельные экземпляры до 1,5 аршин в диаметре на высоте человеческого плеча.

Лиственница дает прекрасный материал, как строительный, так и дровяной. При ночлегах в лесу охотники всегда стараются нарубить именно лиственничных дров. Дрова эти не дают большого пламени, горят долго и дают большой жар.

Близость лиственничных лесов к колесным дорогам дает возможность легко эксплуатировать их древесные запасы. Обильный сухостой вывозится как дрова, сырые же деревья, обычно обработанные на месте в виде брусьев, идут как строительный материал. Место назначения того и другого – Улан-Батор. Местные потребности совершенно незначительны.

Лиственничные леса данного района подвержены частым пожарам. Так называемые “гари” занимают большие пространства. Особенно пострадал в этом отношении за последнее время бассейн Улэгэя (верхнего). Много гарей и в Кермлюке.

3. Леса бассейна Йоро, как я уже указывал, относятся к типу *смешанных*, т.е. все четыре вида встречающихся здесь хвойных распределены по всей площади леса.

Тропа, идущая из Улэгэя в Юсутэ, как бы разбивает обследованный район в смысле растительных формаций на две неравные части. К северу от нее протянулась полоса поперечных отрогов, частью оголенных. На их гребнях растет требующая много света и сухости сосна, небольшие сивера и распадки поросли главным образом лиственницей. К югу же от тропы, особенно в восточной части истоков Чулуту, лежит область смешанной тайги. Деревья большей частью низкорослы, стоят густо, обильная здесь горная ель и кедр придают тайге отпечаток дикости. Отпечаток этот усиливается частыми выходами пород, образующими скалы, и подлеском, создающим непролазные чащи.

О какой-либо эксплуатации здесь не приходится и говорить. Слишком удалена эта область от населенных пунктов. Ближайший из таковых – приисковый стан на Йоро. До него по р. Хонгину нужно считать от 80 до 100 верст. О реке Харе я не говорю, так как путь туда лежит через перевалы, хотя и низкие.

Впрочем в массе лес этой области не представляет собой особой ценности как строительный материал, главным образом в силу его сравнительной низкорослости.

4. Заросшие *кустарником* площади также занимают не последнее место в ряде растительных формаций района. Особенно распространены они в районе истоков р. Зан-Тэрельчи. Характер этих кустарниковых площадей зависит от влажности грунта. В наиболее влажных местах осока и мох образуют кочки, на которых и растет кустарник. В более сухих местах, главным образом на открытых и крутых склонах, кочки исчезают. В смысле видов наибольшим распространением отличается положительно вездесущая в высоких поясах кустарниковая березка (*Betula fruticosa* Pall). В более низких речных долинах ее заменяют кустарники из семейства ивовых.

5. Немаловажную роль в пейзаже местности, а также в биологии копытных этого района играют столь распространенные здесь *“увалы”*. Этим словом местные охотники называют обращенные к южным румбам склоны речных долин, ключей, сухих распадков и т.д. Склоны эти обычно лишены древесной растительности и поросли травой. Качество и масса последней зависят от абсолютной высоты места, крутизны и присутствия того или другого количества почвы.

В малоснежные зимы увалы обычно совершенно свободны от снега, при большом же количестве последнего, он настолько размягчен солнцем, что копытным не составляет труда добывать себе корм.

Большую часть года – исключены лишь три летних месяца – увалы дают главную массу корма изюблям, козам, а в бедные кедровым орехом годы и кабанам. Сохатый же довольствуется его родными болотами. Весной увалом не брезгает даже медведь. С увалом, как с местом кормежки, связана наиболее удачная охота по копытным. Их видно издали, они заняты кормежкой и не так осторожны, как на лежках в лесу. Тут будет уместно упомянуть о термине “сивер”. Этим словом обозначают противоположные увалам или “солнопекам” склоны, заросшие, как правило, более или менее густым лесом.

Таким образом, гребень какого-нибудь поперечного отрога или мыса служит обычно резкой границей между формациями увала или солнопека и сивера. Термины эти отчасти соответствуют монгольским “ара” (сивер) и “убур” (солнопек).

6. *Степь* занимает весьма незначительную часть обследованного района и характер ее ничем не отличается от характера обычной СеверноХалхаской степи, описанной столько раз. Часть ее площади, орошенная арыками, возделывается русскими и китайскими колонистами, по остальной степи разгуливают табуны и стада, принадлежащие монголам.

7. Характер *растительности гольцовых гряд* уже описан мной в специальной главе о них.

* * *

Резюмируя вышесказанное можно отметить следующее.

В смысле видового состава леса главную роль играют кедр и лиственница, образующие обширные чистые насаждения. Ель же и сосна занимают второстепенное место, встречаясь большей частью спорадически.

За исключением пояса кедровой тайги, характернейшей чертой пейзажа являются увалы. Увал, того или иного состава, сивер и плоское, болотистое, поросшее кустарником дно речной долины составляют комплекс формации, обычно на всей, кроме кедровников, площади леса.

В смысле эксплуатации весь обследованный мной район представляет собой почти нетронутую массу леса. Эксплуатируются лишь незначительные площади лиственничного леса по р.р. Сугнур, Улэгэй и в больших падах

между ними, как например Шитан. Вероятно я не буду очень далек от истины, если скажу, что из общей площади леса эксплуатируются около 5%. Вывозом лесоматериалов занимаются китайцы и монголы. Русские колонисты возят лес лишь для своих надобностей. Вывозят сухостойные дрова и строительный материал в виде тесаных брусьев саженной длины. Кроме лиственницы китайцы рубят и средней толщины березняк, идущий на разные поделки. Из него между прочим, изготавливаются монгольские телеги. На этих телегах и вывозят лес с помощью быков.

В заключение считаю нелишним отметить, что экскурсии мои в этот район производились одна, короткая, поздней осенью (вторая половина октября 1924 г.), другая же зимой (12 декабря 1924 г. - 14 января 1925 г.).

Следовательно возможность дать более подробные ботанические данные была почти исключена.

Животный мир

Приступая к сводке наблюдений и расспросных сведений о животном мире я должен сказать, что полнота тех и других является недостижимым идеалом, так как это были побочные задачи экскурсии, краеугольным камнем которой была съемка.

1. Волк в зимнее время в большинстве удаляется в долины больших рек, поближе к жилью. Значительное количество волков наблюдалось в степи у истока р. Хары, около поселков Мандала и Сугнура. Кроме того их многочисленные следы встречались по р. Сугнуру, постепенно уменьшаясь в числе по мере удаления от степи, затем по р. Улэгэй и по р. Хирги. В кедровниках и вообще в глухих высокогорных местах волк в это время года очень редок. В степи же они бродят стаями по 5-10 особей. Близ человеческих жилищ волки весьма нахальны и скот от них страдает сильно. Истребляют их обычно с помощью стрихнина в пилюлях. Иногда стреляют, поджидая рано утром или под вечер на "переходах". Шкура волка расценивается довольно дорого, поэтому промышленное значение его сравнительно велико.

2. Лисица обыкновенна в западной окраине описываемой местности, т.е. в окружающих Харинскую степь горах, частью голых, частью облесенных. Переход лесной области в степь с отдельными лесными колками, кустарником и каменистыми склонами представляет собой любимейшее местопребывание лисицы. Помимо истребления ее стрихнином, зимой на нее охотятся по следу, отыскивая место ее полуденного отдыха. Пригретая зимним солнцем лисица забравшись в какой-нибудь овражек

или водомоинку, спит довольно крепко и позволяет подойти к ней на хороший выстрел. Иногда, загнав ее в нору, ставят перед входом петли или капканы. В таком случае необходимо тщательно осмотреть место, так как у норы обычно несколько входов. Можно также поджидать выхода ее из норы и стрелять по вылезшему зверьку.

3. Рысь не часта. Впрочем часто она и не может встречаться, так как ее охотничий участок обычно очень велик. Бродит она по всему лесному району, придерживаясь мест, обильных козой или кабаргой.

Ее круглый след напоминает след крупного волка, отличаясь отсутствием следов когтей, неопределенностью очертаний, зависящей от пушистого меха, и тем, что рысь на ходу ступает осторожно и не “черкает” по снегу.

Любит она пройтись по колоде, вспрыгнуть на пень. Если идут две или больше рысей, то ступают они обычно след в след, повторяя все движения первой. Зимой рысь частенько вредит промышленнику, поедая попавшееся в ловушки, главным образом кабаргу. Иногда и сама попадает в кабарожий “кряж”, настороженный над полусъеденной кабаргой. Кроме того на нее охотятся с собаками. Из собак за рысью идет далеко не всякая. Крупный, сильный, хорошо обученный пес берет рысь один. Загнав по свежему следу последнюю на дерево, собака лает до тех пор, пока не придет охотник и не застрелит притаившегося в ветвях зверя.

4. Медведь сравнительно редок. По крайней мере это можно сказать относительно бассейна Хары. Истоки Тэрельджи для него неподходящи. В истоках р. Хонгина он, наверное, встречается чаще, но об этом я сведений не имею, так как сопровождавшие меня промышленники бывали там изредка и удобных “медвежьих” мест не захватывали.

Местные охотники берут медведя в берлоге двояким образом. Первый способ, предпочитаемый русскими, состоит в “запирании” медведя в берлоге толстым суковатым обрубок дерева. Этот обрубок засовывают в отверстие сучками вперед и поспешно закрепляют его в таком положении крепкой жердью. Затем стреляют в отверстие. При этом способе медведь часто проламывает тонкий потолок берлоги и тогда с ним шутки плохи.

Монголы предпочитают стрелять при выходе зверя из берлоги. Для этого найдя берлогу, они быстро подходят к ней и становятся непосредственно над отверстием (берлога всегда бывает на склоне) с прицеленными ружьями. Раздраженный стуком или засунутой в берлогу палкой, медведь стремительно выскакивает и тут в него стреляют залпом, целясь почти в упор в затылок.

5. Росомаха встречается не часто, но и не слишком редко. Это весьма скрытный зверь. Все без исключения охотники знают ее странный след стопоходящего, но видели ее очень немногие, а убитая росомаха – редкость в этом районе. Бродит она по ночам, проходя свои неуклюжим шагом большие расстояния. Облавав одну речку она переходит в другую, в третью и нельзя поручиться, что она когда-либо вернется опять в первую. Ходить росомаха любит главным образом по гребням, хотя я видел ее следы и на льду. Лично мне пришлось видеть ее следы по гребням бассейна Кермлюка, затем в бассейне Улэгэя и, наконец, на р.р. Хирги и Нэмэхэ, где росомаха появилась вскоре после того, как я убил в том месте кабана. Внутренности и кровавый след туши, которую мы волокли с увала и далее по речке, привлекли массу ворон, волков и росомаху, методически обследовавшую все окрестности. Брошенный стрихнин подобрали птицы.

Пронюхав где-либо ловушки на кабаргу и раз попробовав из них кабарожины, росомаха посещает их очень охотно, сильно вредя промышленнику. Идяют кряжа к кряжу она пользуется либо человеческой тропой, либо протаптывает рядом свою. Настороженные кряжи она обычно обходит. Впрочем, если она ходит по человеческой тропе, то провести ее нетрудно. Для этого следует насторожить кряж поперек тропы и, проходя по ней, шагать через кряж. В этом случае росомаха, не видя обхода, полезет в ловушку. Собаки ее обычно не берут, так как она обороняется подобно вонючке.

6. Соболь, редкий в этом районе за последние годы, этой осенью (1924 г.) неожиданно увеличился в числе. В одной только верхушке Хирхеро их выловили 5 шт., да еще остался один, вырвавшийся из ловушки. Кроме того пара велась в истоке р. Цубуктэ, затем 2 – 3 особи бродили по истокам р. Хирги где один был пойман, да еще поймали одного по р. Тэрельджи. В былые годы их ловили в значительно большем количестве, особенно под кедровником р. Юсутэ, т.е. гольцов группы Оютэ. Трудно сказать, благодаря чему увеличил число соболей этой осенью по сравнению с прежними годами. Быть может здесь помог трехлетний запрет охоты (что сомнительно, ввиду браконьерства) или, что вернее, соболя прикочевали с востока. Так говорят и промышленники.

Как уже было указано в общем обзоре, местообитанием соболя являются высокогорные кедровники, окружающие узким кольцом гольцовые гряды. Кедровники эти богаты россыпями, дающими соболю надежное убежище и обильную пищу в виде скалистых пищух (*Lagomys*).

Охотничий район одного соболя сравнительно довольно велик и во

всяком случае равен нескольким кв. верстам. Бегаёт он как в сумерки, так и днем, охотясь на довольно разнообразную дичь. Так один соболь был пойман на остатках задавленного им глухаря. Интересно отметить что, как уверяют охотники, соболь совершенно не терпит присутствия в своем охотничьем районе колонка и по возможности уничтожает последнего. Добывают соболя путем ловушки или обмета. Этот последний представляет собой сеть в 40 – 60 сажень длины, обычно разделенную пополам. Употребляют сеть следующим образом. Артель охотников отыскивает свежий след соболя и пускает по этому следу собак. Обычно соболь спасается в соседнюю россыпь, где отсиживается под камнями. Сейчас же на некотором расстоянии от того места, куда он скрылся, растягивают на “тычках” оба крыла сети одно против другого. Две остальные стороны защищают кострами. В центре получившегося четырехугольника находится место, где прятался соболь. Снег (его достаточное количество необходимо для охоты с обметом) с наружной стороны сети тщательно утаптывают, чтобы лишить соболя возможности пролезть через щели между камнями под сеть. На самую сеть иногда навешиваются бубенчики – “шоркунцы”. Когда все готово, остается ждать, когда соболь вылезет и, бросившись наутек, запутается в сети. Тут его хватают собаки. Иногда дожидаться приходится очень долго – до 2-х дней. Ушедший случайно из обмета соболь уходит очень далеко и поймать его вторично – вещь очень и очень нелегкая.

Кроме обмета для ловли соболя употребляются различные ловушки, так называемые “кулемки”, “пастушки” (от слова “пасть”, см. о ловле кабана), “кряжики”. Здесь я опишу кулемку, употребляемую кроме соболя и для ловли други мелких зверьков – белок, колонков и горностаев. Ловушка эта представляет собой маленькую трехстенную будочку, устроенную обычно у подножья какого либо дерева. Шириной и вышиной эта будочка вершка 6, глубиной вершков 4. Прикрывается будочка веточками. Поперек входа кладется “порог” обрубков дерева вершков 2,5 в диаметре. На этот порог, при попытке зверка проникнуть к приманке, положенной в будочку, должно упасть сырое бревешко примерно такого же диаметра. Залезая в будочку, зверек задевает прутик насторожки и несложный механизм приходит в действие.

Иногда удается стрелять соболя и на дереве, куда его случайно загоняет собака.

7. Колонок или солонгой, как его зовут по-монгольски местные охотники, встречается очень часто и распространен по всей местности, за исключением степи и гольцовых гряд. Решительно все растительные

формации дают ему приют. Передвигаясь небольшими прыжками рыщет он по своему участку, исследуя камень за камнем, щель за щелью и никогда не упускает случая пробежать по сваленной колоде. Живет в горах. Собаки промышленников не выносят его резкого запаха и преследуют колонка положительно с неистовством. От них он спасается обычно на дерево. Тут его и стреляет охотник. Меха колонка ценится немного дороже белки, причем скупщики обращают главное внимание на размер и пышность хвоста, который у белки в счет почти не идет.

8. Горностай встречается намного реже колонка и гораздо разборчивее последнего в смысле выбора места жительства. Более всего он предпочитает селиться по россыпям.

Маленький, юркий, он шныряет по щелям между камнями и по кустикам, внезапно кидаясь на зазевавшихся птичек и пищух. Смел и любопытен.

Добывают его так же, как колонка, стреляя при случае, а главным образом при помощи кулемок. Меха его идет по цене наравне с беличьим.

9. Белка весьма обыкновенна и составляет один из главных предметов охотничьего промысла. Распространена она по всему лесному пространству района. Интересна ее подверженность массовым перекочевкам. Доискаться причин таких перекочевок нелегко. Иногда, впрочем, такой причиной бывает урожай кедрового ореха в той или другой местности.

В сезон белковья, т.е. поздней осенью образ жизни белки таков. Ранним утром она выходит из своего убежища – гнезда или дупла, спускается на землю и, передвигаясь прыжками, отыскивает подходящий корм. При этом она, подобно колонку, любит пробежаться по сваленной лесине. Особенно охотно бегает белка по солнечным теплым склонам и гребням. Поверху она очень редко уходит далеко. Поэтому видя ее свежий след, оканчивающийся у какого-нибудь дерева, можно с уверенностью сказать, что белка недалеко. Опытный охотник находит ее по следу и без собаки. Днем белка отдыхает, а вечером снова спускается. В дурную погоду – пасмурную, со снегом, белка совсем не “гуляет”, а сидит по гнездам. Позже, когда выпадает большой снег и наступают сильные холода, она спускается гораздо реже, по земле передвигается мало, предпочитая держаться по верхушкам деревьев.

Меха ее ценится за прочность и красоту. В текущем году (1924 г.) цена за штуку достигла в Улан-Баторе 1,5 м.д. /мексиканских долларов-реб./

В начале октября заканчивается вполне линька белки. Черный цвет меха переходит в красивый серый. Мездра шкурки, синеватая и тонкая

летом, становится плотной и белой. Праздник Покрова по старому стилю – сигнал к выступлению на промысел. На подробностях беличьего промысла я остановлюсь ниже, в специальной главе об охотниках - промышленниках.

Казалось бы, что такое усердное истребление белок должно было давно привести к полному исчезновению ее, но этого пока еще не случилось. Объясняется это большой плодовитостью белки. Промышленники уверены, что самка в лето “остаётся сама сороковая”. Мечет она два раза в лето. Говорят, что первое летнее поколение успевает этой же осенью дать приплод.

Изредка среди белок встречаются цветковые аномалии. Так экспедиции была доставлена белка-альбинос, белого цвета с рыжими усами и хвостом. Промышленники говорят, что иногда попадается рыжая разновидность белки. Зимой она отличима по рыжим лапкам. Впрочем рыжеватый оттенок лапок присущ и старым самкам.

Мясо белки бело и вкусно. Промышленники едят его редко, скармливая обычно собакам. Монголы же, охотящиеся главным образом без собак, охотно употребляют его в пищу.

10. Летяга значительно более редкий зверек, нежели белка, да к тому же весьма скрытный. Живет она охотнее всего по дуплам, но иногда пользуется беличьими гнездами.

Об образе жизни ее я не могу сказать ничего определенного. Иногда летяга попадает в ловушки, иногда ее загоняет как белку собака. Определенного сбыта шкурок летяг не существует.

11. Рыжая скалистая пищуха весьма обыкновенна. Нет положительно ни одной россыпи, открытой или поросшей лесом, где бы не цыркали пищухи, сидя неподвижными комочками на выдающихся камнях. В остальное время они бегают между камнями, отыскивая себе немудрый корм. По всей вероятности они плодовиты, так как врагов у них очень много, а количество их нисколько не уменьшается.

12. Родная сестра скалистой пищухи – степная пищуха обитает исключительно по холмистой чистой степи и потому ее обитание в исследованном районе ограничивается окраинами долины р. Хары. Таким образом эта пищуха не является характерной для описываемой местности.

13. Заяц-беляк обыкновенен. Живет он обычно по уремам и забирается

по долинам речек довольно высоко; как, например, он на ключе Ихэ – Абкан. Образ жизни ведет ночной, выходя с лежки в сумерки. Зимой его присутствие в том или другом месте выдают протоптанные по снегу тропинки, аккуратно им посещаемые.

В описываемом районе заяц не имеет никакого промышленного значения. За ним не охотятся вовсе.

14. Кроме вышеописанных грызунов по всему пространству района живет масса *мышей*. Они населяют и луга, и кустарники, и леса, и дают обильную пищу разнообразнейшим животным. По лугам долин их роют даже кабаны.

15. Из насекомоядных зимой приходилось наблюдать один вид *землеройки*. Так один экземпляр был найден замерзшим близ р. Чулуту. Кроме того землеройки заменяли мышей в зимовье на р. Хирги.

16. Из копытных на первое место несомненно следует поставить *лося*. Встречается он в описываемой местности довольно часто, хотя и не в таком количестве, как, например, изюбрь. Излюбленное его местопребывание – обширные кустарниковые площади Зан-Тэрельчи и Юсутэ. Кроме того он нередок на ключах истоков Сугнура и везде по истокам Чулуту.

Среди обширных болот он чувствует себя на своих длинных ногах прекрасно. Питается главным образом молодыми ветками кустарников.

Образ жизни лося зимой сходен с таковым других таежных копытных. Днем он лежит где-нибудь в укромном месте, выбирая гребни и “стрелки”, откуда лучше заметна опасность. Под вечер выходит на кормежку куда-нибудь к речке. Очень любит сохатый, подобно изюбрю, лизать свежие наледи, особенно если вода ключа, проходя около солонца, имеет привкус солей.

Очень осторожен и чуток. Большими табунами лоси не собираются, а ходят или одиночками, или не больше 3-х - 4-х голов вместе.

Охотятся на лося обычно при случае, когда нужно мясо. Иногда его останавливают собаки. Пользуясь тем, что ища наледи лоси бродят ночами вдоль речек, в удобных местах охотники настораживают ружья, протягивая нитку поперек ключа или речки.

Толстая и весьма прочная шкура сохатого выделывается и идет главным образом на рукавицы.

17. Изюбрь встречается в большем количестве, нежели лось и бродит

почти по всему лесному району обследованной местности.

Годовой цикл его жизни следующий.

В начале лета (конец мая – начало июня) табуны изюбрей разбиваются. В это время зелень появляется уже и в сиверах и чащах. Копытным нет необходимости выходить на открытые места и они все время скрываются в чаще. Вместе с тем месяцы июнь и июль – время, когда бык-изюбрь представляет собой наиболее заманчивую добычу, так как у него растут рога. Единственное место, где его можно с большей или меньшей вероятностью подстеречь – это солонцы, посещаемые кроме изюбрей сохатыми и козами. Ходит зверь туда по ночам, подходит к месту с большими предосторожностями. Но охотнику, устраивающему около солонца прикрытие или “засидку”, удастся иногда провести чуткого и умного быка-изюбря. Стреляют в темноте, но на близком расстоянии, не превышающем 10 – 15 саженей. Иногда по ошибке бьют сохатых или маток. Шкура в это время плоха, продырявлена свищами, мясо быстро портится, поэтому часто охотник пользуется только рогами, бросая тушу. Рога, как известно, сбываются китайцам по весьма высокой цене. Старый бык с большими рогами дает охотнику до 300 долларов прибыли.

К осени олени отъедаются. Шкура делается плотной и крепкой, шерсть чиста и гладка, мясо жирно, рога твердеют. Во второй половине сентября начинается гон, или иначе рев изюбрей. Ранним утром и вечером после захода солнца изюбрь-бык выходит на высокие гребни и сопки и ревет, издавая положительно трубный звук, руладу в две-три ноты. Ему отзываются другие самцы. Иногда два быка сходятся для драки и тогда победитель уводит самок побежденного. В это время изюбри весьма возбуждены и подвижны.

Охотники ездят “на рев” и бьют зверя ради мяса, шкуры и рогов, цена на которые бывает в это время от 15 – 30 м.д. за пару. На реве иногда удается подманить изюбря подражанием его голосу. Умелые охотники извлекают звуки, весьма похожие на рев оленя, не только из специальных труб, но и из винтовки или дробовика. Рев продолжается около двух недель. После рева звери начинают табуниться и по зорям идут кормиться на увалы. Табуны весьма разнообразны по количеству и составу – от 2 до 12 особей обоего пола. Бродят табунами они всю зиму и весну. Образ жизни обычный для копытных в это время.

На зорях кормежка по увалам или редколесью, днем и ночью – отдых в сиверах на лежках. Подобно лосям, изюбри охотно посещают наледи на речках. Рога самцы теряют, вероятно, в феврале – марте месяцах.

Линяют изюбри в конце мая – начале июня; в июне же обычно матки мечут детенышей.

18. Распространение *косули* в описываемом районе ограничивается лиственничными лесами р. Улэгэя и нижнего и среднего течения р. Сугнура. В высокогорные области и кедровую тайгу коза почти не заходит. В своем же ареале это обыкновеннейшее животное.

Образ жизни их в общем сходен с таковым изюбря. Так же летом козы ходят в одиночку и прячутся в чаще, выходя лишь на речки и богатые травой сырые лужайки и посещаемые солонцы. Гон у них бывает раньше, чем у изюбрей, именно в конце августа. Рога твердеют рано. Мне пришлось убить козла с твердыми рогами уже 22 мая. В сентябре рыжая летняя шерсть косули сменяется красивым темно-серым одеянием. С течением времени это окраска светлеет и под весну шерсть козы имеет светлый желтовато – серый оттенок.

В это же время, т.е. в сентябре, козы табунятся и идут по зорям на увал. Днем лежат в сивере. С наступлением больших холодов, а особенно если выпадает большой снег, козы все время проводят на солнопеках, устраивая лежки где нибудь в редколесье или просто в мелком кустарнике.

Так проходит зима. Весной, когда на обнажившихся от снега голых увалах зацветает первый цветок – козы особенно охотно идут на совершенно открытые увалы.

Шкура их, как и изюбрей, весной совершенно испорчена свищами. Линяют они, меняя серый зимний наряд на рыжий летний, в начале июня, мечут тоже в июне.

Охота на них не имеет большого промышленного значения. Мясо и шкура идут обычно на потребу семейства охотника и постоянного сбыта на сторону не имеют.

Интересно отметить, что из внешних чувств у козы хуже всего развито зрение. Неподвижно стоящего человека, если не помогает обоняние, козуля не может разглядеть на весьма близком расстоянии.

19. Кабарга как бы заменяет козу в кедровниках и вообще в более высоких местах. Встречается она очень часто, в особенности там, где давно не хозяйничали промышленники. Впрочем увидеть ее удастся значительно реже, нежели козу, так как она почти не покидает густого леса и чрезвычайно осторожна и быстра. В качестве местообитания она предпочитает кедровники, так как там в изобилии имеется древесный мох, ее главная пища зимой.

Образ жизни ее весьма несложен. Днем кабарга лежит где- нибудь на гребне, часто выбирая для лежки плоский камень или сваленную колоду. Ночью бродит и кормится, всегда в одиночку. Гон бывает в конце декабря

и выражается, по-видимому, большим оживлением кабарги, благодаря чему она в это время чаще попадает в ловушку. Зимой, если снег большой и морозы сильны, кабарга собирается в особо благоприятные в смысле ее корма – мха – кедровники. Если же зима малоснежная и мягкая – кабарга бродит широко, не брезгуя и увалом. Непременными условиями ее местопребывания служат наличие скал и крутых склонов. По первым кабарга лазает весьма ловко.

Достоин внимания, что ни один из знакомых мне охотников никогда не находил детеныша кабарги. Прячет его, видимо, она весьма искусно.

Ловля кабарги – один из самых верных и прибыльных промыслов. Плохо идет она в ловушки лишь в очень теплые и малоснежные зимы. Главную ценность представляет “струя” – мускусная железа, имеющаяся лишь у самцов. Мясо никогда не идет в продажу, обычно его едят сами промышленники, да и то, если нет в виду ничего лучшего. Шкурка непрочна и идет на домашние мелочи, вроде рукавичек, иногда штанов. Струя расценивается по весу и стоит в среднем 8 – 10 м.д. Ловят кабаргу в течение всей зимы особыми ловушками, так называемыми кряжами. Суть кряжа в настороженном бревне, которое падает, когда кабарга проходя под ним и задев нитку, приводит в действие несложный механизм.

20. Кабан в описываемом районе довольно многочислен. Встречается обычно стадами в 3-12 особей, но нередки и старые одиночки.

Летом кабан бродит широко, охотно посещая травянистые луга и тальники речных долин. Весной и осенью идет на увал. Образ жизни его зимой зависит от урожая кедрового ореха. Если ореха много, кабаны не покидают кедровников и сильно жиреют. В годы бедные орехом эти звери всю зиму кормятся на увалах и в кедровники заходят мало. Зима 1924-1925 г.г. отличилась малоснежием и совершенным отсутствием кедровой шишки. Поэтому все кабаны были на увалах.

В мою экскурсию мне приходилось видеть их стада довольно часто. Особенно излюбленным ими местом была полоса увалов с камнями и скалами, протянувшаяся по левому берегу р.р. Нэмэхэ, Хирги и правому-р. Ихэ Чулуту, ниже большого колена последней. Кроме того много кабанов бродило по нижнему Кермлюку и по кл. Банзану. Вели они себя следующим образом. Утром лежали на лежках и выходили на кормежку тогда, когда уже сильно грело солнце, т.е. часов с 10-11. Кормились они обычно на совершенно безлесных увалах, свободных от снега, несмотря на декабрь – январь месяцы. Так, кормясь, или греясь на солнце, проводили они вторую половину дня, продолжая кормиться и в начале ночи. Ложились, вероятно,

довольно поздно. Лежки кабаны устраивают обычно близ гребня, на солнечном склоне, в непосредственной, впрочем, близости от спасительного сивера. Чаще всего я видел их “гайна” под часто встречающимися по гребням развесистыми соснами. Иногда сосну заменял большой камень. Само “гаино” представляет собой продолговатое углубление в тщательно разрыхленной земле, выложенное иногда, особенно по краям, сухой травой. Один раз я видел настоящее кабанье “гнездо” с “крышей”. В противоположность вышеописанным, оно было расположено в густом кустарнике, на краю еловой рощицы на дне долины одного ключа. Находившееся под защитой густой ели большое гайно было выложено сухой травой и накрыто сверху целым ворохом переплетшихся между собой сухих сучьев. Было очевидно, что кабаны (в количестве 2-3 особей) залезали под эту крышу и ночевали таким образом под основательным прикрытием. На одном и том же месте кабаны редко остаются долго, переходя с увала на увал. Местами их обычных переходов надо считать гребни небольших отрогов, где я наблюдал настоящие кабаньи тропы. Идут кабаны гуськом, старые иногда несколько в стороне. При испуге они шумно втягивают воздух и фыркают. Бегут неуклюжим галопом, скоро переходящим в спокойную рысь.

Благодаря вкусному мясу и, осенью обилию сала, кабан является заманчивой добычей. Мясо свиньи вкуснее и нежнее мяса самца, вдобавок у последнего непосредственно под толстой шкурой лежит слой в 2-3 см. совершенно несъедобного сала. Под этим слоем идут уже настоящие жировые отложения, исчезающие в случае плохого корма. Этот же верхний слой, покрывающий переднюю часть спины и плечи, никогда не исчезает совсем. Он настолько тверд, что с трудом режется ножом и представляет собой хорошую броню. А что в броне кабан нуждается, видно из того, что у убитого мною из стада секача, все бока были исполосованы шрамами от клыков его собратьев.

Помимо обычной охоты с винтовкой, промышленники добывают кабана еще путем ловушек. Обыкновенно это делается попутно, при ловле кабарги. Ловушка эта или “пасть”, состоит из нескольких соединенных между собой бревен давящих кабана при попытке достать приманку.

Зимой кабаны часто вредят промышленнику, съедая попавшуюся в ловушку кабаргу.

* * *

Говоря о **птице**, я далек от мысли дать полный список зимующего пернатого населения обследованной мной местности. Возможно, что и часто встречающиеся виды ускользнули от моего внимания, потому, что

повторяю, наблюдения велись мимоходом.

1. Глухарь (*Tetrao parvirostris parvirostris*) встречается часто, но не спускается далеко вниз, избегая окраинных лесов. По кедровникам же он подымается до верхней границы леса. Излюбленным его местопребыванием служат лесистые гребни, где он ходит по земле, отыскивая себе корм. Зимой глухари иногда встречаются по 2 и более особей вместе. Это остатки разбившихся летних выводков. Птица эта очень осторожна и, несмотря на свою величину, прекрасно прячется в густой хвое кедров. Специальной охоты за глухарем в описываемом районе нет. Бьют его при случае. Кроме того иногда глухарь попадает в кабарожьи кряжи.

2. Тетерев-косач (*Tetrao tetrrix viridanus*), в противоположность глухарю, не любит глухих сплошных хвойных лесов и чаще встречается в окраинных лиственничных лесах, особенно, где эти последние перемежаются с кустиками и березняками. Таким образом область его распространения граничит со степью.

В моей экскурсии, целью которой было обследование истоков рек, я мало касался местообитания тетерева и потому не буду распространяться об его образе жизни.

3. Распространение белой куропатки (*Lagopus mutus*), как я уже говорил в общем обзоре, ограничивается болотами истоков Тэрельжи и Зан-Тэрельжи. В этих местах я наблюдал этих птиц во время моих зимних экскурсий. Держались они парочками и табунками, собираясь на местах кочевков стадами до 15 особей. Любимым их местопребыванием были ключики и водомоинки – места, наиболее защищенные от ветра. Тут они и кормились, главным образом почками кустарниковой березки. Вечером, после заката солнца, и утром, на рассвете, среди куропаток было заметно оживление. Со своеобразным криком они перелетали с места на место, в первом случае, очевидно, устраиваясь на ночлег, а во втором вылетая на кормежку. Между прочим, в октябре месяце пара этих птиц была спугнута мной на гольцовом поле гряды А – В – С.

Охоты на белых куропаток не существует вовсе. Некоторые местные охотники, не бывавшие в истоках Тэрельжи, не знают даже о существовании этих птиц.

4. Рябчик (*Tetrastes bonasa amurensis*) встречается повсеместно. Его можно найти и в уреме ключей, и около верхней границы леса в кедровнике. Ночует он, как и все, впрочем, куриные в этой местности, в

снегу. Питается почками лиственных пород, поэтому предпочитает держаться вблизи березняков или кустарниковой уремы. Охотятся на него больше по окраинам, недалеко от селений, сбывая при случае в Улан-Баторе.

5. *Даурская серая куропатка* (*Turdix barbata barbata*) наблюдалась мной кроме возделанных полей долины р. Хары еще только в нижней части долины р. Сугнура. На полях зимой она довольно многочисленна. Там она составляет предмет охоты подростков и так же, как и рябчик, имеет сбыт в Урге.

6. Из *сов* наблюдалось три вида: *ястребиная сова* (*Surnium ulula*), *сыч* (*Athene noctua?* *Athene plumipes?*) и *неясыть*, оказавшаяся новым видом (*Strix Elisabethae sp.n.*). Лично я наблюдал лишь первый вид в бассейне р. Сугнура. Остальные же два были убиты охотниками и принесены мне. Новый вид неясыти был добыт в истоке кл. Банзан – следовательно на границе сплошных кедровников. Кроме того охотники видели, по-видимому, сыча воробьиного.

7. *Ворон* (*Corvus corax*) летает повсюду, включая сюда и гольцовые гряды. Он служит волкам и росомахам прекрасным указчиком места, где можно поживиться падалью или внутренностями, брошенными охотниками.

8. *Сойка* (*Garrulus glandarius Brandti*) встречается везде. Она хорошо знает людей и никогда не преминет похозяйничать в их отсутствие на таборе.

9. *Ореховка* (*Nucifraga caryocatactes macrorynchos*) обыкновеннейшая птица кедровников. Ее резкий крик слышится в их чаще очень часто. Охотно собирается стайками по три-пять особей. Прыгая по земле, или исследуя дерево, она обычно издает тихие, весьма разнообразные звуки. Встревоженная, резко кричит и на крик ее отзываются все ореховки, случившиеся поблизости.

10. *Кукуша* (*Perisoreus infaustus sibiricus*) встречается тоже очень часто. Образ жизни ее в общем сходен с таковыми сойки и ореховки.

11. *Сибирский снегирь* (*Uragus sibiricus*) обыкновенен. Держится он по уремам и очень подвижен. С тихим мелодичным посвистыванием стайки

снегирей перелетают с места на место, нигде не задерживаясь надолго.

12. Европейский снегирь (*Pyrrhula pyrrhula pyrrhulat*), вернее его восточно-сибирская форма (*Pyrrhula pyrrhula cassini*), также наблюдался мной, но значительно реже сибирского.

13. По р. Сугнуру я наблюдал в декабре месяце стайку **овсянок**, по-видимому, **белошапочных** (*Emberiza leucocephala*), птички перелетали по обращенному к югу каменистому склону долины.

14. Всего один раз, именно в Кермлюке, я с достоверностью наблюдал стайку **клестов** (*Loxia curvirostra*).

15. Щур (*Pinicola enucleator*) нередок. Держится обычно стайками по три, пять особей, перелетая по верхушкам деревьев.

16. Свиристель (*Bombycilla garrulus*) наблюдалась мной лишь однажды, в конце октября по ключу Ихэ-Абкан системы Сугнура. Птицы держались стайкой в 15-20 особей. Вели себя очень спокойно, подолгу сидя всей стайкой на одном дереве.

17. Гайка (*Poecile borealis*), вездесуща. Ее не смущают даже высокие окраины плато Зан-Тэрельжи. Всегда веселая, подвижная, она перелетает, переключаясь с подругами, с дерева на дерево, не подымаясь к верхушкам и исследуя трещинку в коре, каждую веточку, держится обычно стайками.

18. Иногда в стайке **гаек** встречается **синица малая** (*Parus ater*).

19. Длиннохвостая синица (*Acredula caudata*) встречается довольно часто по всему лесному пространству района. Держится обычно стайками в 10-12 особей, не смешиваясь с другими видами синиц.

Относительно всех синиц можно сказать, что держатся они всегда невысоко над землей, избегая верхушек деревьев. Предпочитают подлесок, особенно березняк.

20. Поползень (*Sitta uralensis*) обыкновенен и вездесущ, почти как гайка, по всему посещенному мною лесному району.

21. Черный дятел (*Dryocopus martius*) встречается не часто, но более

или менее повсеместно.

22. О *зеленом дятле* (*Picus canus*) можно повторить сказанное о черном.

23. 24. Относительно распределения по району *большого пестрого дятла* (*Picus major*) и *трехпалого дятла* (*Picus trydactylus*) можно сказать следующее. Пестрый дятел населяет окраинные леса западной части района, предоставляя настоящую тайгу трехпалому, где последний весьма обыкновенен. Таким образом трехпалый дятел населяет истоки рек Хонгин, Тэрельчи, Сугнура и Улэгэя, а пестрый среднее и нижнее течение последних рек.

Охотничий промысел

В заключение я позволю себе несколько распространиться по вопросу об охотничьих промыслах района. Любительской спортивной охоты в данной местности, как правило, не существует. Поэтому слово “охотник” равнозначно здесь термину “охотник-промышленник”.

Охотников, промысляющих в лесах района, можно разделить на две категории. К первой отнесу “хозяев страны”, т.е. сравнительно немногочисленных монголов и бурят, занимающихся охотой. Ко второй принадлежат русские колонисты, главным образом жители поселков Верхнего и Нижнего Мандала и Сугнура. Число их весьма незначительно. Громадный вред охотничьему делу в этой местности приносила третья категория – пришлые охотники из Забайкалья. Они положительно наводняли район в известные периоды. Но теперь этому положен конец.

Что касается экономического значения промысла, то для большинства охота – подсобное занятие, имеющее больший или меньший удельный вес в бюджете хозяина, в зависимости от состояния его полевого хозяйства или, у монголов – скота. Охотников, живущих исключительно промыслом, весьма немного.

Монголы, кочующие по Харе, дают небольшой контингент охотников, промысляющих по рекам Сугнуру, Баин-голу и Улэгэю. Гораздо большее количество их занимается вывозом лесоматериалов. В верховья Тэрельчи и Зан-Тэрельчи приезжают, да и то только летом, монголы и буряты, живущие по р.р. Толе и Тэрельчи. Зимой же плато истоков Тэрельчи совершенно не посещается. Отчасти этому способствует громадное, для климата данной местности, количество снега, скопляющееся по открытым болотам плато. В текущую малоснежную зиму (1924-1925 г.г.) в то время, когда в верховьях Сугнура слой снега в общем не превышал 6-8 вершков,

а обычно был даже тоньше, по кустарникам Зан-Тэрельджи намело снега более чем на аршин глубиной. Верховья Хонгина посещаются партиями монголов, приезжающих издалека, с р. Йоро. Местные колонисты, в незначительном числе занимающиеся охотничьим промыслом, обычно не выходят за пределы бассейна р. Хары, наиболее посещаемы ими бассейны р.р. Сугнура и Баин-гола. Отправляясь на промысел они образуют небольшие артели по 2-5 человек, и, благодаря близости поселков к месту промысла, их охота носит домашний характер.

Охота в данной местности распадается на следующие промыслы: 1) белковье, 2) добыча кабарги, 3) соболеванье и 4) добыча пантов. Побочными промыслами надо считать зверованье, т.е. охоту ради мяса и шкуры, рыбную ловлю, производящуюся кое-где по Харе и по нижнему течению Сугнура (об истоках Хонгина у меня на этот счет сведений не имеется), и охоту за рябчиками и серыми куропатками. Кроме того охотники промышляют тарбаганов, частью по степи истока р. Хары, частью отъезжая для этого в более далекие степи.

Для редкого здесь охотника, занимающегося исключительно этим делом, можно представить себе следующий, охотничий год. Начну с весны. Как только по открытым местам, особенно в степи стает снег и начнет пригревать весеннее солнце начинается добыча только что вылезшего после спячки весеннего тарбагана. Весенняя шкурка ценится несколько ниже осенней, но все -таки дает хороший заработок. Промысел этот прекращается с появлением зелени, когда тарбаган начинает линять. К этому времени (конец мая) отрастают молодые рога изюбрей и начинается погоня за пантами.

Между прочим этот сибирский термин не распространен среди пограничных забайкальцев и колонистов - выходцев с Забайкалья. Здесь он заменяется обычным словом "рога". Охота за изюбрем в это время весьма затруднительна по причинам образа жизни зверя, описанного выше, в главе о млекопитающих. Даже опытный охотник, занимающийся промыслом с детства, после многодневного путешествия по лесам и сидения по ночам на солонцах, приезжает домой с пустыми руками. Все солонцы, по крайней мере в ближних речках, заняты упорно сидящими по ночам охотниками. Но стрельба в темноте – дело ненадежное. По темной тени, появившейся у солонца, обычно трудно разобрать, что за зверь находится под выстрелом и в результате охотники бьют самок, а иногда и сохатых, не представляющих собой ценности в это время. Мясо быстро портится, шкура плохая и зверь часто пропадает зря. Зато убитый старый бык-изюбрь с 12-ти концевыми рогами – целый капитал. Наибольший вес сырых рогов, достоверно мне известный – 38 фунтов. За пантами ездят и

в истоки Тэрельчжи и в истоки Хонгина и по рекам бассейна Хары. Летнее время не требует больших запасов, благодаря длинным дням можно ездить верхом на большие расстояния, а потому охотники выезжают налегке. Но лето близится к концу. Рога затвердели и потеряли свою ценность. Август месяц – мертвый сезон в смысле промысла. Когда снова желтеет трава, охотники снова возвращаются к тарбаганам. Мне известны случаи, когда завзятые промышленники ездили за тарбаганами в степи верст за 200 к юго-западу от Урги. Впрочем тарбаганы специфически монгольский промысел. Во второй половине сентября снова едут за изюбром, охотясь обычно недалеко от дома на “реве” этих зверей. Бык, убитый в это время, дает до 80 долларов заработка.

После рева охотники деятельно готовятся к сезону белковья, начинающемуся обычно с праздника Покрова по старому стилю, иначе говоря с 14 октября по нашему стилю. В семьях промышленников сушат сухари, приводят в порядок разнокалиберное оружие, раздобываются белковыми собаками. Наконец артель за артелью скрывается в лесу по дороге к кедровникам. Артельная организация принята всеми. Едят обычно из общего котла. Убитая белка также иногда делится поровну между членами артели. На таборе всегда остается дежурный, присматривающий за артельным хозяйством. Впрочем необходимость таборщика вызывается единственно разноплеменностью общего состава охотников этой местности. По рассказам, в хребтах Забайкалья, табор остается без дежурного. Любой может придти напиться чаю, наестся, сколько влезет, но никто никогда ничем не поживится, ничего не унесет с собой.

Оружие употребляется самое разнообразное. Тут и дробовики мелких калибров, и старые берданки, и пистонные ружья, и кремневки. Встречаются даже трехлинейки казенного образца, из которых белку бьют уменьшенным зарядом пороха и свинцовой или бабитовой пулькой. Дробовые ружья предпочитают 28 и 32 калибров, никак не крупнее 16 калибра. Заряд кладется обычно очень маленький, рассчитанный специально на белку, притом на близком расстоянии. Иногда на верхушку очень высокой лиственницы дробь даже и не долетает. Из берданок стреляют или самодельной свинцовой пулькой, или рассверливают ружье, превращая его в гладкоствольное дробовое. В пистонном ружье порох непосредственно забивается пулей, поэтому его перезарядить не выстреливши невозможно. Еще более древним оружием является кремневка, все еще широко распространенная среди охотников. Тут тоже порох насыпается “на глазок” прямо в дуло, забивается пулей, затем еще щепотка пороха насыпается “на полку” снаружи ружья и тогда только “орудия”, как

именуют свои ружья забайкальцы, готовы к действию. Случается, что ветер сдувает порох с полки – тогда кремневка дает осечку. При большом заряде пороха хорошая кремневка бьет метко на расстоянии до 100 саженей, но чаще встречаются кремневки, бьющие саженей на 70-80.

Огнеприпас берется обычно в “сыром” виде, т.е. порох в баклажках, свинец в прутьях. Для отливки пуль существуют несложные приспособления и обычно промышленники занимаются литьем пуль чуть ли не каждый вечер.

Гильзы дробовиков и винтовок изнашиваются донельзя. На трещину в гильзе не обращают никакого внимания и употребляют последнюю до тех пор, пока она не развалится вовсе.

Второй после ружья важной заботой охотника является хорошая белковая собака. Купив или взяв щенка, непременно от известных хороших “родовых”, т.е. родители которого известны как хорошие белковые собаки, промышленник уже по первой осени начинает приучать щенка к охоте. Еще летом он заставляет его гонять бурундуков (*Eutamias asiaticus*), а осенью ведет на белку. Обычно молодая собака очень быстро понимает суть дела и с увлечением гоняет белок. Но до идеала белковой собаки еще далеко. Обычный вид этих собак напоминает лайку. Острая морда, стоящие торчком уши, пушистая густая шерсть, хвост поднят кверху и загнут. Рост не велик. Хорошая белковая собака должна соединять в себе массу достоинств. Она должна быть выносливой, чтобы обегать за день возможно большую площадь леса, не должна обращать внимания на ненужных охотнику зверей и птиц. Найдя беличий след, хорошая собака не исследует все извилины и петли, а берет белку “верхним чутьем”. Наконец, загнав белку на дерево, или отыскав ее там, она должна лаять до тех пор, пока не подойдет хозяин, хотя бы он был и далеко. Затем собака не должна рвать белку, попавшую ей в зубы, а немедленно отдавать хозяину. Все это требует умелой дрессировки и укоренившихся в ряде поколений инстинктов.

День белковщика проходит так. Рано, еще до света, поднимаются промышленники с немудрой зеленой постели в балагане из молодого кедра. Один идет за водой или льдом в ближайший ключ, другой подбрасывает сучьев в костер. Через десять минут готов чай. Завтрак состоит обычно из ржаных сухарей, составляющих основу пищи охотников зимой. Во время завтрака обсуждается вопрос, кому куда идти чтобы не мешать друг другу. Только что рассвело, а охотники уже расходятся от табора в разные стороны. Продрогши на утреннем морозе (уже в октябре ночью температура бывает - 20°), собаки рвутся вперед. Вот залаяла одна. Через несколько минут слышен выстрел. Белка есть. Но далеко не каждая

белка дается так быстро. Собака снова залаяла. Промышленник подходит к старому густому кедру сплошь обросшему древесным мхом. Собака лает, прыгает на дерево, грызет нижние сухие сучья. Белка несомненно здесь. Но требуется опытнейший глаз, чтобы отыскать ее в гущине переплетающихся ветвей и мха. Начинается высматривание. Не мешает иногда и поколотить обухом топора по дереву – белка стука боится и меняет место. Быть может на другом сучке будет заметнее. Наконец охотник увидел между ветвей, у самого ствола, темное пятнышко. Кажется белка. Он налаживает “таганки” – примитивные сошки, состоящие из двух, связанных у верхних концов, палок, упирает на них ружье, целится очень тщательно и стреляет. Белка убита, но катясь кубарем вниз она застревает на могучих зеленых лапах старого кедра. Новая задержка. Тут иногда помогает длинный шест, иногда приходится влезать на дерево, а иногда промышленник рубит кедр ради белки. Но так или иначе белка в его руках. Охотник отрезает лапки и дает их в виде поощрения собаке. Затем он вздевает белку на “кормешину” – тонкий ремешок с подобием грубой металлической иглы на конце. “Кормешина” – от монгольского “кырме” или “керме”, что значит белка. Иглой этой белка поддевается через рот и глаз. Носят “кормешину” через плечо.

А собака уж опять залаяла. На “густой” белке промышленнику нет отдыха. Собака зовет его то на крутой гребень, то в долину ключа, убегая чуть ли не за версту. И лезает он день деньской то вверх, то вниз, все время торопясь, чтобы не ушла белка, чтобы не замолчала собака, долго не видя хозяина. Немудренно, что к вечеру охотник приходит совершенно вымотавшись. Собака обычно тоже еле переставляет ноги. Таборщик наварил чаю, постепенно все сходятся. Начинается чистка ружей, приготовление зарядов и пуль на завтра, обдирка убитой белки. Тем временем варится обед или вернее, ужин – какое нибудь мясо без всякой приправы, кроме соли. Если же мяса нет, то на сцене неизменные сухари в несколько большем количестве, чем за обычным чаем. Конечно, все время идет неумолчная беседа. Неистощимой темой служит лес, охота, но иногда разговор ударяется и в таинственное – наговоры, колдовство, дурной глаз и т.п.

Белку промышленник обдирает чулком. Разрез делается по внутренней стороне задних лап и проходит около заднепроходного отверстия. Хвостовые позвонки вынимаются целиком, кисти лап отрезаются. Привычный промышленник обдирает белку чрезвычайно быстро и 20-30 белок не занимают много времени. Снятая и, следовательно, вывернутая наизнанку, кроме хвоста, шкурка слегка растягивается, подсушивается и в таком виде поступает в продажу.

Вернемся к табору. Уже поздно. Собаки получили свою порцию слегка обжаренных на огне белчихих тушек. Приготовления к завтрашнему промыслу закончены и промышленники укладываются спать. Огонь, конечно, горит всю ночь, причем на дрова подбираются самые толстые обрубки.

Так изо дня в день проходит непродолжительный, но добычливый сезон белковья. Конечно артель не стоит обычно все время на одном месте, а кочует по кедровнику, меняя табор раза два-три за сезон.

Сбывается белка почти всегда в Урге, где имеется несколько фирм, частью русских, частью иностранных, по скупке пушнины. Из иностранных самой крупной надо считать, кажется, лондонскую Biedermann & Co., London, Ltd.

По окончании сезона белки, а это случается, когда выпадает порядочный снег, сильно утомляющий собаку, и настанут холода, во время которых белка плохо “гуляет”, промышленники подыскивают место для зимнего промысла. Сюда входит соболевание и добыча кабарги. Но первый промысел, в силу сравнительной малочисленности соболя, носит теперь случайный характер.

Способы охоты за этим ценным зверьком уже описаны мною и я не буду останавливаться на этом. Перейду сразу к добыче кабарги. Уже во время белковья промышленники сговариваются, где и как и какой артелью промышлять зимой. И вот настает день, когда небольшой караван в 5-6 вьючных лошадей, нагруженных сухарями, теплой одеждой и несложной артельной утварью, уходит по дороге к кедровникам. Охотники идут пешком. Собак не берут, так как бегая за хозяевами они легко попадают в кряжи. Придя на “место” – в какой-нибудь ключ или речку, охотники приступают, в случае если нет поблизости старой хижины, к постройке убежища на зиму. С треском валятся высокие лиственницы, далеко по ущелью разносится стук топоров. Дня через три - четыре избушка готова. Опишу два вида зимних жилищ промышленников. Более простой вид называется “юрточкой”. Юрточки бывают разных размеров в зависимости от величины артели, но не превышают внутренним сечением 3,5 на 5 аршин. Вышина сруба бывает не более 2-х аршин. Двускатная крыша делается из колотых плах и прикрывается кроме того иногда лиственничной корой. Над серединой помещения в крыше оставляется отверстие для выхода дыма. В одной из коротких стен прорубается отверстие для двери, в которое рослый человек пролезает с трудом. Дверь делают из двух обтесанных топором досок и навешивают с помощью деревянных скобок. Вообще все решительно, как в этом типе построек, так и в другом, делается топором и обычно без единого гвоздя. Внутри вдоль стен устраиваются

нары или просто настилается сухая трава. Посреди горит небольшой огонь, поддерживаемый всю ночь. Такая юрточка прекрасно спасает от самых сильных морозов. Спать в ней можно весьма комфортабельно. Единственное ее неудобство - необходимость поддерживать огонь. Это неудобство устранено в другом типе охотничьей постройки, именно в “зимовье”. Зимовье строится основательнее юрочки. Сруб его, вышиной аршина 2.5 делается обыкновенно размером в 5 на 4 аршина, или близко к этому. Крыша плоская, из колотых бревешек, насыпается землей. Пазы в срубе конопатятся мхом. Небольшая дверь, устроенная так же, как и в юрточке, служит входом. Обычно направо от нее в углу на небольшом срубе кладется “каменка” – печь, примитивнее которой трудно что-либо себе представить. Она кладется без намека на глину из плоских камней в виде пещеры и сильно напоминает доисторические “дольмены”. Над печью под потолком в стене прорубается волоковое оконце для выхода дыма, затыкаемое по миновании надобности тряпкой.

Кроме него, одно или два оконца прорубаются для притока воздуха и света внизу, на высоте аршина от пола, в противоположных печке стенах. Величиной они бывают вершков 6 на 4 и закрываются дощечками. Вдоль стен устраиваются низкие нары. Вечером каменку затапливают. Во время топки дым стелется под потолком, основательно коптя верхнюю половину зимовья, выходя в волоковое оконце. Стоять невозможно – свободно от дыма пространство аршина на полтора над земляным полом, а то и того менее. Камни накаляются быстро. Сухие дрова сгорают дотла. Дым выходит. Все отверстия закрываются и в зимовье, особенно под потолком, царствует температура сухой бани. Тепло держится до утра, причем спать можно чуть ли не полуголым. Единственная темная сторона зимовья – возможность угара, что иногда при недосмотре бывает. Кроме того каменку надо класть со знанием дела, иначе накаленные камни или какая-нибудь щель, находящаяся слишком близко от стены могут служить причиной пожара. Такой случай приключился со мной, когда я с проводником охотником ночевал как-то в старом зимовье на р. Сугнур. В каменке не осталось даже углей, мы спали, и только случайно проснувшийся охотник вовремя заметил беду. Стена над печью пылала.

Первые дни после постройки жилища посвящаются охотниками высмотр мест, наиболее посещаемых кабаргой. Затем начинается работа. Артель ставит обычно от 200 до 500 кряжей, в зимний день один человек рубит 5-10 ловушек. После этого остается только ходить “высмотром” с промежутками по несколько дней. Оставлять ловушки недосмотренными продолжительный срок – недели на две или на месяц – рискованно, так как хищники (рысь, россомаха) и кабаны часто съедают попавшееся

дочиста. Ловушки служат до конца сезона, так как их снова и снова настораживают.

Если в данном месте давно не промышляли, а зима стоит снежная и холодная, кабарга попадает в баснословном количестве. Ни один кряж не пустует. Но ценность представляют лишь самцы-струйники, а потому масса самок и молодых гибнет попусту. Опустошенные места заселяются кабаргой очень медленно, потому что животное не любит перекочевок и бродит по ограниченному участку.

В продажу струя поступает в сыром виде. Сохраняется мороженой. Скупкой ее занимаются китайцы. Находится она у самца кабарги на нижней стороне тела, перед половыми органами. Вырезается с куском кожи и имеет вид небольшой округлой, твердой на ощупь железы, выводной проток которой не виден. Вес ее в среднем 6 -12 золотников. Цена колеблется в зависимости от веса в пределах 8-10 рублей. Рубя кряжи охотники замечают след мелких пушных зверьков – колонков, белок, горноста и рубят в удобных местах кулемки. Белка зимой идет в кулемку легко.

Быстро проходит зимний день промышленника. Рано утром в зимовье начинают шевелиться. Позевывая поднимаются один за другим охотники, затапливается каменка, на дворе на костре кипятится чай или варится мясо на завтрак. После завтрака, когда только начинает рассветать, промышленники расходятся. Кто-либо остается в зимовье. Идут охотники привычными натоптанными тропинками от кряжа к кряжу, нередко с досадой замечая, что по их тропинке накануне прошла россомаха и наверно “спакостила”, найдя попавшуюся кабаргу. Иногда рубят два-три новых кряжа. Так проходит короткий зимний день. К вечеру охотники, кто с добычей, а кто с пустыми руками, собираются в зимовье. Темнеет быстро. При свете топящейся каменки принимаются за обед, скромный по содержанию, но никак не по количеству. Разносолов нет. Мясо и сухари исчерпывают обычно все меню. Едят кабарожье мясо, а если повезет в охоте, то кабанину, сохатину или зверину, т.е. мясо изюбря, которое многие охотники называют просто “зверем”. Мяса идет очень много, не менее 3-х фунтов в день на человека. Лакомством считается кабанье мясо, жирное и зимой, в то время как в мясе остальных копытных жир совершенно отсутствует. После обеда, где мясо запивается чаем с сухарями, принимаются за обдирку дневной добычи. Пушнина тут же подсушивается, струи выносятся на мороз, мясо кабарги подвешивается около зимовья. Потом каждый занимается своим делом. Кто чинит оборванную в лесу одежду, кто шьет обувь – немудрые ичиги из мягкой кожи, кто обрабатывает мылом и мнет руками кабарожьи шкурки, идущие на рукавицы. Усердно дымят ганзы – монгольские трубки с монгольским же табаком – дунзой, и

часто работа откладывается в сторону и идет нескончаемая беседа на разнообразнейшие темы. В зимовье на р. Хирги, где я прожил несколько дней, промышленники, колонисты поселка Мандала, соорудили даже балалайку с помощью одного лишь ножа и нескольких волос, выдернутых из лошадиного хвоста.

Помимо ловли кабарги, охотники высматривают наиболее посещаемые кабаньи тропы и “переходы” и ставят ловушки на кабанов – тяжелые “пасти”, где на кабана, тронувшего приманку (мясо или рыба), рушится целый плот из бревен, общим весом до 50 пудов. И все-таки такая тяжесть не всегда в состоянии сломить крепость передней части кабана. Сдают задние ноги и ломается позвоночник. Передние же ноги выдерживают удар не сгибаясь.

Мясо кабана пролежавшего некоторое время в ловушке, несмотря на мороз имеет какой-то запах и далеко не так вкусно, как мясо кабана, убитого пулей и сейчас же выпотрошенного.

Кроме того охотники ходят “зверовать”, т.е. охотиться с ружьем на других копытных – изюбрей и лосей. Домой промышленники выбираются перед тем как лед на речках станет уже ненадежным. Так заканчивается охотничий год промышленника. Косуль охотники бьют уезжая или уходя из дому на день или два, так как в высокогорных областях она не держится.

В заключение скажу несколько слов о состоянии фауны района в смысле истребления ее охотниками. Наибольшему истреблению за последние 20 лет подвергся соболь, ставший редким. Остальная пушнина уменьшается довольно медленно. Копытные же страдают от охоты немного, и их число почти не уменьшается. Благотворную роль в сохранении фауны района сыграли события революционного времени, именно нашествие китайцев, затем барона Унгерна, когда местному населению, а тем более дальним забайкальцам, было не до охоты. Затем молодое Монгольское Народное Правительство начало свою деятельность по упорядочению охоты двухлетним запретом ее иностранцам, т.е. главным образом русским. Браконьерство было незначительно, а монголы не наносят фауне большого ущерба. Благодаря этому “мертвому” периоду фауна местности получила возможность несколько пополнить убыль в своих рядах, обнаружившуюся после нескольких лет хозяйничания в кентэйских лесах русских промышленников. Надо надеяться, что и в дальнейшем охота будет введена в твердо установленные рамки и хищническому истреблению ценных зверей настанет конец.

Суцзукгэ, февраль, 1925 год.